

Нина Давыдова

- коренная москвичка, окончила филологический факультет МГПИ. Очерки, эссе, репортажи, интервью публикуются в российских и зарубежных СМИ с 1970 г. Училась в школе репортеров газеты «Вечерняя Москва», на 2-х годичных курсах экскурсоводов. Работала в ЦГАЛИ, издательствах, экскурсионных организациях, на радио – автором и ведущей прямого эфира. Главный редактор газеты «МОЛ» с 2016 г. Составитель и редактор альманаха «Словесность» и др. книг. Награждена медалью «В память 850-летия г. Москвы». Лауреат литературной премии «Словесность» и премии I-го Всероссийского Сретенского кинофестиваля «Встреча».

ПРОЩАНИЕ

28 октября в Москве в храме святой мученицы Татианы, домовый церкви Московского университета, что на углу улиц Моховой и Большой Никитской, собрались на прощание с Ю.В. Мамлеевым его родные, друзья, ученики, почитатели его таланта. Чин отпевания совершал настоятель университетской церкви протоиерей Владимир Вигилянский.

Отец Владимир в надгробном слове неожиданно для всех вдруг сказал, что это счастливый для него день. И пояснил, что это потому, что провожает он в последний путь настоящего христианина. С Юрием Витальевичем они много беседовали, и перед смертью его волновало, что вот больше всего на свете он любил Россию и свою жену, и беспокоился: а что же будет там с этой огромной любовью, неужели там любовь исчезает? И отец Владимир заверил его, что этого не произойдет.

Я помню, что когда в наш дом приходили тяжёлые болезни, Юрий Витальевич звонил и говорил: «Только не надо бояться смерти».

***

Спросите у своих знакомых о писателе Юрии Мамлееве, и вы получите возможность узнать об одном и том же человеке подчас исключаящие друг друга сведения:

– Ну, как же, русофоб, это известно...

– Ярый антисемит, разве Вы не слышали?

– Помилуйте, Мамлеев – серьезный философ, отрицающий западную цивилизацию, уповающий на русский путь выхода из мирового кризиса...

– Это просто ужас, его произведения - сплошной мрак, он же исповедует оккультизм, главное, не читайте на ночь, и не давайте детям...

– Крупнейший писатель нашего времени, в известном смысле продолжатель линии Ф. Достоевского и А. Платонова в русской литературе...

– Из диссидентов, в 60-годы занимался самиздатом, всякой мистикой, столоверчением, антисоветчиной, за что и был выслан из Союза еще, кажется, в конце 70-х...

Юрий Витальевич Мамлеев родился в Москве 11 декабря 1931 года. Писатель с мировым именем, драматург, философ, поэт, публицист.

Окончил Лесотехнический институт. С 1969 по 1974 гг. Мамлеев занимал важное место в так называемой неофициальной культуре Советского Союза, к которой принадлежали ныне широко известные писатели, художники, поэты, от Иосифа Бродского до Венедикта Ерофеева. В советское время его романы и рассказы распространялись только через самиздат.

В 1974 г. Мамлеев с женой вынуждены были эмигрировать в США, а в 1983 г. они переехали во Францию. На Западе романы и рассказы были переведены на основные европейские языки (английский, французский, немецкий, итальянский и др.) и вызвали бурную реакцию у литературной критики. Так, один из лучших во Франции специалистов

по творчеству Ф.М. Достоевского профессор Сорбонны Жак Като писал о Мамлееве как о «достойном наследнике Гоголя и Достоевского» («Magazine litteraire». № 232, 1986 г.). На Западе и в России о нем написаны десятки статей. Его творчество изучается в университетах США. Следуя традиции европейских писателей, он преподавал литературу в таких известных институтах как Корнельский университет (Итака, США), Медонский центр изучения русской культуры, Институт изучения восточных цивилизаций (Франция). В 1993 г. Мамлеев с женой вернулись в Россию.

На Родине опубликовано более 30-ти книг Юрия Витальевича. Его основное философское произведение - «Судьба Бытия». В 2000-е гг. Ю. Мамлеев возглавил новое литературное течение в России, теоретические основы которого он создал в своих философских работах.

В 1991 г., живя в Париже, подает заявление о вступлении в Союз литераторов России, а по возвращении возглавляет секцию Метафизического реализма в Союзе литераторов. В 2003 г. Союзом литераторов России учреждается литературная премия Юрия Мамлеева. По представлению Союза литераторов и в соответствии с Указом Президента России Юрий Витальевич стал кавалером «Ордена дружбы» в свой юбилейный, 2006, год.

С 2007 г., первого года выпуска альманаха «Словесность», Ю.В. Мамлеев – член редакционного совета альманаха и его постоянный автор.

В 2001 году, с наступлением нового тысячелетия, Юрий Витальевич в газете «МОЛ» (Московская организация литераторов) публикует свой прогноз на XXI век:

«Россия совершенно, абсолютно непредсказуема. Но я считаю, что многое будет зависеть от событий, происходящих во всем мире. А они, несомненно, происходят будут. Не думаю, чтобы наступило какое-то затишье. Поэтому это серьезный фактор влияния на ситуацию в России. А вообще, мне кажется, сейчас наступил переходный период к нащупыванию новой российской цивилизации. И уверен: чем ближе люди к собственной традиции, тем они более сохранены».

Юрий Витальевич Мамлеев ушёл из жизни 25 октября 2015 года. Похоронен на Троекуровском кладбище.

Москва-Итака-Париж-Москва

Одиннадцать лет назад Ю.В. Мамлеев прислал из Парижа в Москву, в Союз литераторов, письмо, в конверт было вложено от руки написанное заявление с просьбой о приёме в наш творческий союз. И вот через 11 лет Юрий Витальевич в своей небольшой московской квартире в Раменках с интересом перечитывает это заявление с парижским адресом на конверте: улица Лежандр, 142. Протеканию нашей беседы помогают жена Мария Александровна, филолог, выпускница, как и я, филфака пединститута, что на Пироговке. У нас есть общие воспоминания... Персидская огненно-рыжая кошка Мисюся (у нас с ней общих воспоминаний нет, но ее капризное персидское лицо ясно показывает, кто самый главный в этом доме) и пёс Ларсик, всем в семье друг и защитник, особо опекающий и оберегающий изменчивое кошачье настроение. Юрий Витальевич к недостоверным слухам и публикациям о себе и обстоятельствах своей жизни относится без видимого раздражения.

Ю.М. – К оккультизму, самиздату никогда не был причастен, из Советского Союза вынужден был уехать вместе с семьей в 1974 году. Сначала жил в США, преподавал в Корнельском университете русскую литературу, жена работала в университетской библиотеке. Через восемь лет перебрались во Францию, преподавал русский язык и литературу в Парижском институте восточных цивилизаций и языков и в Медонском Центре изучения русского языка и литературы. Был принят в американский, потом во французский Пен-клуб, являюсь членом русского Пен-центра, российское гражданство возвращено мне в 1991 году.

Н.Д. – Вы стали в январе нынешнего года почетным председателем только что созданной в нашем союзе секции Метафизического реализма. Мы с детства были знакомы с реализмом социалистическим и его последствиями, изучали на филфаках критический реализм. И вот достаточно новый термин, а для большинства, наверно, и не очень понятный. Что такое метафизический реализм?

Ю.М. – Это новое течение в литературе, как в российской, так и в мировой. Четыре принципа его изложены в моей философской работе «Судьба бытия», напечатанной в «Вопросах философии» в 1993 году и отдельно, в сборнике. Суть метафизического реализма вот в чем: писатели этого плана описывают не только повседневную, обыденную реальность, то есть окружающий нас мир, но и невидимый мир. Вернее, влияние невидимого мира на наш реальный. И также те аспекты человеческой души, которые наиболее скрыты, наиболее глубинны и имеют отношение к метафизической реальности. То есть, имеется в виду то, что человек, – как он описан в предыдущей литературе, – особенно, скажем, в литературе традиционного, критического реализма, – это человек социальный, биологический. Здесь же в основном упор делается на изображение связи человека с метафизической реальностью...

Н.Д. – Как Вы считаете, с чем связан в последние годы столь пристальный интерес писателей, поэтов, кинематографистов к показу иных миров, иных реальностей?

Ю.М. – Это скрытые глубины, связанные со смертью, бессмертием, с высшими силами, связью человека с Богом, проблема посмертного существования души, а также и с тем, что непосредственно присутствует в нашем мире. Но скрытым образом наш мир фактически не полностью оторван от других миров, и если мы внимательно погрузимся в нашу реальность, то мы увидим там то, что можно назвать некой второй реальностью, некой подосновой, неким подтекстом, который можно увидеть, просто раскрыть как часть уже нашей реальности, всей. То есть метафизика, собственно, означает то, что лежит за пределами физики, то есть за пределами физического мира. Но за пределами физического мира лежит огромная реальность, чудовищная, намного превосходящая физический мир, то, что в мировой традиции называли Богом, называли различными мирами высшими, Небом и так далее. Сюда попадают и демонические силы, и силы природы, которые стоят за физическими проявлениями природы, согласно мировой традиции и всем древним философиям, религиям. Наш мир – только часть огромной Вселенной, которую мы не воспринимаем естественным физическим взглядом. Поэтому, следовательно, из самого слова метафизика вытекает, что такое метафизическая реальность. Обратите внимание, что это не фантастика, то есть здесь не место фантазиям. Потому что фантазия – это просто игра интеллекта по поводу нашей земной реальности, какие-то комбинации по поводу тех или иных аспектов нашей земной реальности... В метафизическом реализме важно не только слово метафизика, но и реальность, это означает способность писателя к интеллектуальной интуиции, то есть он должен уметь видеть скрытые глубины. Ну, скажем, в человеческой душе, поскольку главный объект литературы – это человек, видеть человека не только как социальное и психологическое существо, но и как некое бессмертное существо, которое по ту сторону обычной нашей реальности, то есть видеть эти таинственные, неразгаданные глубины человека. Это течение не упало с неба, ему предшествовало многое...

Н.Д. – Вероятно, и средневековая литература?

Ю.М. – Да, и средневековая. А если говорить о поэзии, то это особый вид литературы, когда воссоздаются глубокие лирические переживания. То есть, можно сказать, что

мистический реализм выражается через переживания автора тех самых реалий, о которых мы с вами говорим, это переживания, отражающие связи человеческой души с невидимым миром. Предтечей метафизической поэзии является, по моему мнению, Александр Блок. Он многогранен, в нем много всевозможных аспектов.

Н.Д. – Вы много лет не видели Москвы. В последние годы город, в котором Вы родились, учились в школе, Лесотехническом институте, по которому столько езжено-хожено, очень изменился. Понравилась ли Вам, Юрий Витальевич и Вам, Маша, новая Москва?

Ю.В. – Знаете, она стала слишком похожа на другие западноевропейские города, той Москвы, из которой мы уезжали, мы не увидели.

«СЦЕПЛЕНИЕ ДВУХ РЕАЛЬНОСТЕЙ ПОРОДИЛО МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ...»

Интервью 2008 года, опубликовано в № 1(51), 2008 г. в газете «МОЛ»

Н.Д.: Вы член редсовета альманаха СЛОВЕСНОСТЬ, его выпускает Союз литераторов России. Почему, как Вы считаете, необходимы творческие союзы в наше время? Может быть, нужен один литсоюз по типу союза писателей СССР?

Ю.М.: Вы знаете, сегодняшнее разделение, оно отвечает ситуации времени: люди расколоты, у них разное мировоззрение, позиции. И сейчас просто объединить творческих людей в нечто единое невозможно. Но в идеале желательно, чтобы в будущем это произошло. Но должно наступить такое будущее, которое сильно отличается от того, что мы имеем теперь. Должен быть единый союз, но разные течения. Так что сегодняшняя ситуация, она отвечает реалиям. С учетом мирового опыта, когда-нибудь появится организация единая, подобная Пен-клубу, и объединит литераторов разных течений и направлений, от коммунистов до монархистов.

Н.Д.: То есть не единое литературное направление по типу социалистического реализма, а союз-защитник авторских прав пишущего человека?

Ю.М.: Да, основная задача такой организации – защита прав, профессиональных прав автора. Обеспечение не только жизненных интересов, но и возможности профессиональных встреч, дискуссий. Профессиональное единство. Как, например, съезды Пен-клуба. Я участвовал в подобной встрече, которая проводилась на Эйфелевой башне, когда разные писатели говорили о едином мировом процессе. Когда некоторые думают, что нечто единое всегда осуществляется под каким-то контролем, то это мнение ошибочно: никакой политики, только профессиональные интересы. Но сейчас говорить о такой организации ещё рано, это вопрос довольно далёкого будущего.

Н.Д.: Этот год стал юбилейным не только для Союза литераторов, но и для Вас: 80-летний юбилей – это немало? А остались ли неизданные пьесы, стихи, рассказы, романы, философские произведения?

Ю.М.: Конечно, остались. Есть неизданные стихотворения, есть черновики, наброски – довольно много, это надо приводить в порядок. Есть неизданные философские работы, тоже нуждающиеся в обработке.

Н.Д.: Можно ли разделять Мамлеева-прозаика, Мамлеева-поэта, Мамлеева-философа?

Ю.М.: Да, даже нужно. В прозе я, надо сказать, более всего свободен, даже от самого себя. Я писал, подчиняясь внутреннему интуитивному голосу, который вёл меня то в одну глубину, то в другую. Это были прорывы, которые мне было даже трудно полностью объяснить. Оставался текст прозы, для меня, в некоторых своих моментах, как некий тайный текст.

Н.Д.: Что значит тайный текст?

Ю.М.: Это такой текст, который не разгадан, остаётся тайной для меня самого. Другое дело в философии. Философский текст должен быть более-менее определён. Можно высказывать философское мнение, философское мировоззрение, которое чётко очерчено. И в этом есть одновременно огромный плюс, это созданное мировоззрение. С другой стороны, это заключено в какие-то рамки. Раз уж вы высказываете какие-то идеи. Интеллект сам себя ограничивает. Философское мировоззрение ограничено какими-то своими рамками. В художественной прозе нет никаких ограничений. Вы можете написать рассказ в полную противоположность тому мировоззрению, которое обычно для себя исповедуете. Обычно философ и писатель это как бы близкие вещи. На Западе и Толстого, и Достоевского считают не только сверхгениальными писателями, но и философами... Что касается поэзии, то здесь есть определённое отличие и от философии, и от прозы. Хотя поэзия без философии и глубокой прозы немислима...

Большинство стихов я писал не от своего имени, а от лица обобщённого героя. Или же описывал просто явления природы. Таким образом, и здесь очень пёстрая картина. Есть цикл стихов, которые я назвал «О нездешних тварях». Понятно, что это стихи от имени каких-то неизвестных существ или же их описания. В этих стихах есть некоторое влияние прозы, но, всё-таки, стихотворение может быть достаточно молниеносным и отличаться от прозы именно своей молниеносной вспышкой.

Н.Д.: Вашу прозу никак не назовёшь прозой поэта.

Ю.М.: Нет, ни в коем случае. Я ведь начинал с прозы. И при этом писал стихи. В поэзии я изображал неких монстров. Потому что возникало желание молниеносного – как вспышка молнии – описания состояния.

Н.Д.: Повлияла ли на Ваше творчество профессия отца?

Ю.М.: Я просто близко познакомился с психопатологией, психиатрией. Иногда использовал какие-то случаи или психопатические состояния моих героев. Действие шло не под влиянием психологии, психологических вывертов каких-то, а под влиянием моей, иногда существующей как подсобный материал, интуиции.

Н.Д.: Вероятно, не обязательно изучать психиатрию, достаточно просто читать Достоевского?

Ю.М.: В основном это художественное видение. В юности Достоевский произвёл на меня очень сильное впечатление. Но сейчас всё пошло намного дальше.

Н.Д.: А когда Вы провозгласили направление метафизического реализма, что происходило тогда в мире, в литературе, почему об этом стало необходимо заявить?

Ю.М.: Вы знаете, это родилось в Южинском переулке, ещё в самом начале, там и возник этот термин – МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ, без оглядки на то, что метафизика всегда присутствовала в классической литературе. Этот термин – метафизический реализм –

возник интуитивно, вне всякой связи с прежней литературой. Реальность, которая нас окружала, была настолько странной. Люди отменили Бога, отменили бессмертие. Жили в какой-то странной тюрьме. И потом – 70 лет огалтелого атеизма. Нам вся эта ситуация казалась диким абсурдом: какие-то утопические лозунги, утопические планы. Хотя люди вокруг были очень хорошие. И, фактически, они даже жили, сохраняя незамутнённым свое «я», хотя и отрезанные от своего высшего пика. Но, всё-таки, сохраняли в себе какие-то христианские принципы. И, всё равно, весь этот абсурд казался нам псевдореальностью. Поэтому мы чувствовали, что за всем этим стоит другая реальность, более подлинная. И вот связь этой реальности и того, что творилось здесь, это сцепление двух реальностей и породило то, что мы стали считать метафизическим реализмом. Примерно так я записал в своём тексте по Мистическому Реализму, который потом вошёл в книгу «Судьба бытия». То есть формально получилось так, что в этот кондовый реализм вплетены метафизические элементы, которые могут иметь разный смысл, – и негативный смысл, в том числе... Писание, как у Гоголя. Ну, в форме, скажем так, сказочной. Вот такое сцепление реальности и метафизики.

Н.Д.: Отход от упрощённой схемы, которую предложило государство?

Ю.М.: Вы знаете, в начале революции были действительно безумные порывы, мечтали о влиянии на весь мир. Даже Маяковский презрел свой гениальный поэтический талант во имя служения государству и преобразования общества. Одна из главных задач этого государства заключалась в «создании нового человека». Поскольку капитализм, считали они, порождает в человеке патологическую жажду наживы – в новом обществе должен родиться этот новый человек, но они не понимали, что это было полной утопией по целому ряду причин, на которых не будем сейчас останавливаться... Но они настолько чётко выработали программу преобразований человека, что она еще до сих пор востребована. Хотя человека нельзя преобразовать какими-то лекциями, нотациями, политическими лозунгами. Только через искусство можно действительно изменить человека. Но недопустимо писателей считать инженерами человеческих душ... Революционеры, залившие кровью Францию, заявили, что Бог умер и надо молиться разуму. Но смешно молиться разуму. Разум присутствует в человеке. Человек может верить в Бога, может не верить. Но человеческое общество не может существовать вообще без Него. И Наполеон это выразил в той глубине, как об этом позднее написал Достоевский. Наполеон выразил это просто как политик. Никакие духовные высоты его вообще не интересовали. Как политический деятель он понимал, что без религии человеческое общество вообще не может существовать. Хотя, конечно, религия может подменяться псевдорелигией. Но это другой вопрос. Так или иначе, время Апокалипсиса ещё не пришло... Большевики нанесли непоправимый удар по православию, по церкви. Это одно из тягчайших преступлений. Они не только захватили власть, но и преградили путь многим человеческим душам к спасению. Что их самих ожидало – это одно, но они потянули за собой других...

Н.Д.: Несколько поколений?

Ю.М.: Да, но потом их попытка преобразовать человека превратилась в обычную рутину. Они, большевики, потеряли всякую связь с реальностью, началась долбёжка-галдёжка. Первые порывы революции – освободиться от социальной зависимости – были. Но ведь и самой революции не было бы, если бы не эта чудовищная бойня Первой мировой. И она, революция, породила какие-то архетипы – тот же Островский. Порождала какие-то импульсы, а потом они угасли. Это всё было утопично. Нельзя сказать, что большевики ничего не создали. Выработался архетип советского человека. Но это было слишком ограничено. Это не могло оставаться долго. А уже в период застоя приобрело какой-то карикатурный характер. Когда потом некоторые критики удивлялись, как мог в советском

обществе родиться такой роман, как «Шатуны», я должен был ответить, что только в советском обществе, именно в советском обществе, он мог возникнуть. Мне говорили, что это выходит за всякие человеческие рамки. Но в советском обществе разного рода запреты были настолько тотальны, что естественным ответом на такой крайний тоталитаризм было стремление к Радикальной Свободе. К свободе до конца. В буржуазном обществе, при видимости свободы, все как-то снивелировано, прикрыто. И в этом отношении там еще хуже: нет сопротивления...

Потому-то и «Шатуны» родились, и наша Южинская группа родилась, когда нам стало ясно, что мы не можем проникнуть в другие социальные круги, опубликовать свои произведения, и мы предпочли Радикальную Свободу – раз мы не можем этого сделать, значит, мы свободны, значит, мы можем писать даже без внутренней цензуры. Цензура существует везде, при любом обществе, но есть и внутренняя цензура – когда писатель знает, что его вещи будут читать тысячи людей, он пишет одно, а, когда ты точно знаешь, что не будут, – пишешь свои вещи в подполье и пишешь даже то, что противоречит, что прямо противоположно общепринятому...

Интервью 2001 года, опубликовано в № 2(11) 2001 г. в газете «МОЛ».

И ВЕЗДЕ: И В ПОЛИТИКЕ, И В ИСКУССТВЕ ВСЁ ОПРЕДЕЛЯЕТ МЕНЬШИНСТВО...

Мы встретились с Юрием Витальевичем в Переделкино, на даче, которую он арендует у Литфонда. Юрий Витальевич и Мария Александровна недавно переехали сюда из московской квартиры в Раменках, теперь вместе с ними живёт и резвый любопытный котёнок.

Н.Д.: Юрий Витальевич, Вы получили большую правительственную награду – Орден Дружбы. Ваше имя известно во всем мире, Ваши произведения постоянно издаются большими тиражами. У Вас есть ученики, Вы известный писатель, о котором написана не одна литературоведческая работа и у нас, в России, и за рубежом, Вы лауреат престижных литературных премий. В 70-ые годы Вы, как М. Ростропович, А. Солженицын и другие известные люди, вынуждены были уехать из СССР, жили и преподавали в США, во Франции. А в годы перестройки вернулись в Россию, в Москву, создали в Союзе литераторов секцию метафизического реализма. В 2006 году Союз литераторов обратился с ходатайством к Президенту о награждении Вас орденом в связи с Вашим 75-летием. Какое значение имеет для Вас эта награда?

Ю.М.: Ну, Вы знаете, это признание со стороны государства. А вообще отношения между литературой и государством в любой стране, в том числе и в России, всегда были сложными. Глубокая литература всегда носит в себе элемент возмутителя спокойствия, она всегда будоражит общество. А точка зрения государства, его главные интересы – стабильность, поэтому вот тут как бы интересы литературы и государства немножко не совпадают. Но, в конечном итоге, по большому счету, государство и литература представляют одну страну, мы сидим в одной лодке. Естественное желание писателя, чтобы эта страна была великой, независимой, жила настоящей, глубокой жизнью, не только материальной, но и духовной. Вот пример Достоевского, сначала он сидел – был на каторге, а потом он дружил с Победоносцевым. Пушкин имел сложные отношения с царем, очень сложные, но, в конце концов, царь сказал о нем: «Я недавно разговаривал с умнейшим человеком в России». Так что, поскольку в конечном итоге интересы государства и литературы совпадают, все мы работаем на славу одной страны, и я признателен за эту награду.

Н.Д.: То есть, Вы считаете, что писатель в состоянии, пусть не прямо, а опосредованно, но все-таки влиять на то, что происходит вокруг?

Ю.М.: Дело в том, что литература – это очень сложное явление. Недаром литературу называют царицей искусств. Она включает в себя столько уровней, и именно поэтому может вызывать самые разные, в том числе и противоречивые чувства. Потому что в литературе содержится и религиозный контекст, и философский, и эротический, и отношения между людьми, и социальный аспект, и психологический. Поэтому такое сложное искусство может влиять и влияет в разные эпохи по-разному, это зависит и от исторических моментов. Иногда литература делает революцию, как это было во Франции. Частично можно вспомнить Чернышевского, Горького. В другое время она играет совсем иную роль, – роль формирования сознания интеллигенции, как это было с великой русской литературой. Поэтому я считаю, что писатель должен писать то, что он хочет, вернее, хочет не по произволу кого-то, а то, к чему влекут его тайники души.

Н.Д.: Вы перечислили несколько аспектов, характерных для литературы, как явления. Если возобладает какой-то один из них, будет ли подобное нарушение гармонии болезнью?

Ю.М.: Ну, это будет не то что болезнь, это будет некая односторонность. Но односторонность присуща вообще любым явлениям, в науке, например. Научное мировоззрение – это очень одностороннее течение. Фактически, нормальная наука имеет дело с фактами, а научное мировоззрение это уже некая гипотеза.

С другой стороны, любовь к литературе в России имеет особое значение. Например, если говорить о внешнем мире, русская литература представляет Россию, она ее лицо, как, скажем, Достоевский известен во всем мире как выразитель глубочайшей сути России, как писатель номер один после Шекспира. То есть, величие русской литературы в чем-то сливается с величием России и даже определяет ее по-своему.

На западе о России, таково было мнение еще в конце XIX века, существовало мнение, что Россия – это страна гениев и казаков. Понятно, какой смысл здесь заключается. Поэтому, даже в наш такой меркантильный век, век голого чистогана, литература продолжает иметь свое уникальное значение. Оно может быть не так заметно, как в былые времена, но оно постепенно влияет на сознание молодежи, на сознание людей, хотя бы меньшинства. Я здесь говорю о меньшинстве. Но надо сказать, что именно меньшинство делает историю.

Н.Д.: Оно и взрывает век чистогана?

Ю.М.: Конечно. И везде: и в политике, и в искусстве все определяет меньшинство.

Н.Д.: Это как очистительный взрыв?

Ю.М.: Да, это определенный очистительный взрыв в сознании.

Кроме того, я еще и философ. А философия это совсем другая вещь, такая атомная бомба замедленного действия. Она определяет течение жизни человечества на многие века вперед, но это уже совсем другой момент. Литература же действует непосредственно.

Н.Д.: Говорят, что сейчас поэзия непопулярна, но если мы посмотрим литературные сайты в Интернете, послушаем радио, мы убедимся, что это не так, очень много есть пишущих людей и отнюдь не бесталанных.

Ю.М.: Да, действительно, сейчас поэзию пытаются оттеснить на задний план, потому что век не поэтический.

Н.Д.: А можно сказать, что поэзия набирает обороты?

Ю.М.: Да, сейчас поэзия все-таки набирает обороты. И молодежь может выразить свои чувства через бардов, через рок, через народную поэзию. Время поэзии – оно немножко затихло, но оно уже принимает другие формы.

Абсолютное вытеснение поэзии из жизни – это катастрофический знак, если бы это произошло, это означало бы, что плоская реальность вытеснила все остальное. Это означает фактически смерть, небытие.

Россия сейчас настолько многослойна, настолько невероятно противоречива – все в хаосе. Ей нужна стабильность.

Н.Д.: Но не мертвящая стабильность...

Ю.М.: Да, безусловно. И в политическом плане нужна сейчас стабильность. Что касается духовной стабильности, она, конечно, не должна быть, как Вы сказали, мертвящей. Дух по своей природе не может быть стабильным. Он мечется по Земле, как это описано в Библии, – Дух носится над водами. Дух – это бесконечное движение, бесконечный порыв. Это если говорить о духовной стороне жизни. А что касается социальной стороны – хватит экспериментов.

Н.Д.: Можно задать совсем простой вопрос: зачем живем?

Ю.М.: Затем, чтобы подготовиться к другой жизни. Это абсолютно так. А во-вторых, есть практика древних, то, что мы знаем только из древних источников, из откровений, есть христианство, которое к этому готовит. Жизнь слишком короткая. И смешно было бы считать, что это все. Что это какая-то насмешка неба над землей. И надо радоваться этой жизни.

Н.Д.: Существование другой жизни мы ощущаем внутри себя, с рождения?

Ю.М.: Да. А, кроме того, мы должны жить настоящей жизнью, настоящая жизнь включает в себя бытие, а бытие это, собственно, Бог. Эра рыб, эра отречения от мира прошла. Сейчас, так или иначе, люди хотят жить и в этом мире тоже. Это касается не только тех, которые живут только в этом мире и больше ничего не знают, их судьба очень печальна в этом плане.

Н.Д.: Жизнь как удовольствие?

Ю.М.: Жизнь и как удовольствие, а, скорее, даже как страдание. Это ужасно, они потом просто уходят в рассеяние. И все.

Н.Д.: А жизнь как преодоление?

Ю.М.: Когда вы ощущаете жизнь как высший дар, как некий дар, который есть в вас, и чувствуете присутствие высших сил в себе, тогда эта жизнь становится прекрасной. Преодолеваешь все негативные моменты, которые окружают нас со всех сторон. Поэтому эра Водолея отличается тем, что она будет разделять тех людей, которые видят только эту реальность и больше ничего, и тех людей, которые видят, живут в этой реальности, не отрекаются от нее, но в то же время они видят и другую реальность. В этом мире, конечно, жить не так просто. А, с другой стороны, Бог возлюбил именно этот мир.

Поэтому наша задача все-таки жить здесь, брать от жизни ее высшие глубокие моменты. С тем, чтобы в какой-то мере даже стать в некотором смысле со-Творцом. Мы в этом мире, мире страданий, приносим опыт страданий высшим силам: они не знают страданий, не знают, что такое жить в таком грубом материальном мире. Парадокс человека в том, что он одновременно и образ, и подобие Божие, и в то же время связан с грубым физическим миром. А физический мир, в отличие от духовного, это мир разрушений. Потому что все, что здесь существует, исчезает, гибнет, опять возрождается, так же, как наше тело.

Поэтому нельзя так уж жалеть себя: вы начинаете жалеть свою оболочку. Надо иметь мужество в этом мире. Не столько даже мужество, сколько мудрость. А мудрость говорит о том, что мы - боги. Победа же материализма имела катастрофические последствия во всем мире.

Н.Д.: Катастрофические на какое-то время?

Ю.М.: На какое-то время, но на это время материализм торжествует в этом мире – это предсказано. Это надо пережить. Людям надо знать, что это преодолимо. Я считаю, что атеизм и материалистическое мировоззрение это просто преступление против человечества. Преступление, прежде всего, в духовном смысле, конечно. Но и в этическом. Но это еще страшнее. Это преступление носит глобальный характер. Оно все человечество заковычивает в какую-то тюрьму.

Н.Д.: Россия более 70-ти лет существовала как атеистическое государство.

Ю.М.: На Западе то же самое, если не хуже. Создалась какая-то карикатура на религию. Да и там фактически материализм победил и еще почище научного материализма. Научный материализм имел еще блестящие какие-то: Маркс писал, что сознание идеально, он вообще был индифферентен к вопросам духа. Современная цивилизация стремится превратить человека в звероробота: чтобы люди работали, потом смотрели телевизор и засыпали. И исчезали, как исчезает какая-нибудь вошь. И никаких перспектив, ничего.

Н.Д.: И здесь важна позиция меньшинства, которое может взорвать эту ситуацию?

Ю.М.: Она обязательно взорвется. Не по нашей воле, потому что это космологический процесс. Наступит такое время, когда совершенно очевидно станет, что мы не единственные, есть и другие миры, и откроются двери в другие миры, что несет в себе определенную опасность. Это можно преодолеть, если обратиться к духовной традиции, к православию, к исихазму. Но это не зависит от рода человеческого, это уже зависит от промысла Божия. Человечество изменится, когда раскроются каналы, я думаю, это будет в середине этого тысячелетия. В середине этого тысячелетия это будет совершенно другой мир, это будет абсолютно другая цивилизация. Но толчком к этому могут быть экологические катастрофы, войны и бессмысленность материализма.

Н.Д.: Можно ли в связи с этим говорить о жертвенности и пророчестве поэзии Серебряного века?

Ю.М.: Да, особенно у Блока. Он – как Данте русской поэзии. Он был пророк, предсказавший, что:

*Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
Еще чернее и огромней*

Тень Люциферова крыла.

В «Возмездии» были прямые пророчества.

Н.Д.: Видимо, не случайно эта пророческая поэма не была завершена?

Ю.М.: Да, «Возмездие» - неоконченная поэма, но пророчества не только в «Возмездии», но и в стихах Блока. Конечно, Серебряный век сыграл огромную роль, это породило какую-то последнюю безумную надежду на устройство жизни, жизни не без Бога. Монархия подорвала себя очень сильно в те годы.

Н.Д.: Люциферово крыло?

Ю.М.: Бойня первой мировой войны – это было страшно, это было невиданно, природа человеческая никогда такого не допускала. Наполеоновские войны с этим не сравнить, и русский народ, солдаты психологически не были к этому готовы. Большевистский переворот имел основания: когда морячкам говорили: буржуи кровь пили? – пили! Ну, что ж, давайте и мы попьем. Эти движения были в Китае, во Франции, в других странах. Как и в России, они не возникали просто так, нужны были основания. Поэтому все это, конечно, очень сложно. И как Россия выбралась из кошмара 1917 года, и как победила в Отечественной войне, – все это победа чуда, я считаю. Наша страна, израненная Гражданской войной (практически гражданское противостояние продолжалось до 40-х годов), все эти аресты, колхозы, и командный состав армии был расстрелян... И случилось невероятное: Россия смогла победить величайшую армию, которая когда-либо создавалась в Европе. Армию, которая была вооружена по первому слову техники, которая имела солдат, фанатически преданных своей идее – это почти невероятно.

Н.Д.: Но это была третья величайшая победа: первая – над Золотой Ордой, вторая – над наполеоновской армией, 3 – над фашистами!

Ю.М.: Да, это величайшее мистическое явление, это говорит о том, что какой бы строй не был в России, внутри нее живет великое ядро, которое должно быть спасено. Учителя индусские тогда молились за Россию, они говорили, что Россия это страна, которая в будущем даст ростки невероятной духовности.

Н.Д. Через Рериха?

Ю.М. Нет, они Рериха не особо признавали, Рерих - это отпочкование такое. А они исходили из своей теории, своего понимания, из глубинных знаний. Они молились за Россию, за победу в Сталинградской битве, чтобы сохранить это ядро. Даже Сталин говорил: «ОНИ НЕ БУДУТ НАС ЗАЩИЩАТЬ, ОНИ БУДУТ ЗАЩИЩАТЬ РОССИЮ».

Н.Д. Явление Сталина неоднозначно?

Ю.М. Да, явление Сталина неоднозначно, это очень сложная фигура, мрачная, конечно, но она была неизбежна в тот момент, когда большевики уже захватили власть. Если бы они не захватили, слава Богу, этого всего бы не было, а раз они захватили, Сталин все-таки создал страну, которая сумела победить - за счет ограбления народа, за счет чудовищных страданий народа: он отбирал зерно, продавал за границу, на эти деньги покупал оборудование. За 10 лет создал индустрию, которая смогла противостоять фашистской Германии. У Лермонтова есть пророчество: *«Настанет год, Росси черный год,/ Когда царей корона упадет;/ Забудет чернь к ним прежнюю любовь,/И пища многих будет смерть и кровь...»*

Так что мы переживаем великие в истории времена. Это замечательно, что мы это видим. Мы должны сохранить веру в Россию, мы должны сохранить православие, мы должны сохранить веру в бессмертие человеческой души.

Интервью опубликовано в альманахе «Словесность 2011»